

Шурави

В Советском Союзе их называли воинами-интернационалистами, на Западе — агрессорами, а в Афганистане всех советских «окрестили» по-своему — «шурави».

Орловец Алексей Шиликов был одним из 620 тысяч «шурави», прошедших ту войну, о которой сегодня вспоминают все реже и реже.

ЧУЖОЕ НЕБО

Провинция Фарах — афганское захолустье. Горы, палящее солнце, выжженная земля. С одной стороны — граница с Пакистаном, с другой — с Ираном.

Что мог слышать уроженец российской глубинки, орловец Алексей Иванович Шиликов об этой забытой Богом провинции? Ничего. Тогда, в 1980 году, об Афганистане старались говорить вполголоса и делали вид, что никакой войны там нет. С телевизионных экранов изредка звучали незнакомые еще советским людям названия: Саланг, Герат, Джелалабад. Комментаторы рассказывали что-то про Апрельскую революцию, Бабрака Кармаля и ограниченный контингент советских войск. Еще про интернациональный долг и братскую помощь народу Афганистана.

...Телефонный звонок в кабинете начальника Советского РОВД Орла подполковника Шиликова раздался в конце лета. Командный голос в трубке велел собираться и на следующий же день прибыть в столицу. Зачем — никто объяснять не стал. Да Алексей Иванович и так все понял: в Афган, выполнять интернациональный долг и оказывать братскую помощь «дружественному народу».

Через несколько дней на аэродроме Шинданд в Герате приземлился советский грузовой самолет. Он привез в Афганистан партию гранат и патронов, матрасы для солдат и... двух орловских милиционеров — Анатолия Новикова и Алексея Шиликова. А уже отсюда они отправились к месту службы — в ту самую заштатную провинцию.

Из Герата подполковник Шиликов выехал осенью 1980-го, а, прибыв в Фарах, в одночасье очутился в 1360 году. Здесь действовал свой, религиозный, календарь. И, надо сказать, он вполне соответствовал реальности — в Фарахе царил самое настоящее средневековье.

Пуштунские племена, населявшие провинцию, жили в крайней нищете. Из орудий труда в ходу здесь были деревянные сохи и мотыги. А обыкновенные дрова являлись для местных чуть ли не предметом роскоши — в Фарахе их продавали на вес. Вот только купить могли немногие — не было денег. И работы никакой тоже не было.

А между тем пуштуны веками составляли основу афганского общества. И выходцы из этих племен всегда занимали весомое положение в государстве. Пока не произошла Апрельская революция. Поддерживать новую власть пуштуны не желали. А на «шурави», которые пришли в их страну эту власть защищать, смотрели, как на чужих.

НАМ БЫ ТОЛЬКО НОЧЬ ПРОСТОЯТЬ

«Знаете, — говорит Алексей Иванович, — я ведь там не воевал, героических подвигов не совершал...» Верно. В том смысле, что подполковник Шиликов не

высаживался в горах с вертолета, не вел колонну техники через перевал, не ездил на танке. У него была своя война — такая же тяжелая, как у десантников, танкистов или мотострелков. Сам он, правда, предпочитает называть эту войну работой. Обычной — милиционерской. Может быть, несколько специфической.

А специфика «обычной» работы была такая. Советские милиционеры (а в Фарахе работала группа из 50 человек) должны были помогать афганским властям в создании местной милиции — царандо. Обучать царандоевцев методам оперативной работы и прочей милиционерской премудрости, а также работать с местным населением: выявлять пособников душманов, а главное, вести разведывательную деятельность своими — особыми — методами. Проще говоря, наши оперативники должны были добывать необходимые военным сведения через агентов из местных жителей.

На первый взгляд, действительно, ничего особенного — не на передовой же. Только не в Афганистане. Здесь шла война без фронта и без тыла. То есть везде.

Днем главным врагом «шурави» была жара: 40—50 градусов — в порядке вещей. Жажда страшная — и сколько ни пей, все равно не напьешься. Это потом наши научились терпеть и не пить воды до полудня: странно, но после двенадцати хватало нескольких глотков... Еще был ветер — «афганец». Сухой, обжигающий, не дающий вздохнуть, он поднимал в воздух тучи песка и пыли.

А ночью начиналась другая война — настоящая. Все пятьдесят советских милиционеров жили в доме какого-то местного феодала. Вокруг — мощная трехметровая стена — дувал. За дувалом можно было выходить только в дневное время — пусть не в одиночку и всегда с оружием, но все же. С наступлением темноты не то что выйти — головы поднять было невозможно: пули свистели. Поэтому постовые вокруг жилища «шурави» не стояли и даже не сидели — лежали на циновках. Слу-

чалось, что и из гранатометов обстреливали: толстую стену дувала пробивало насквозь...

При этом стрелять могли те, кто еще недавно приходил в гости, угощался вином и свиной, «забывая» про религиозные запреты, и называл «шурави» друзьями.

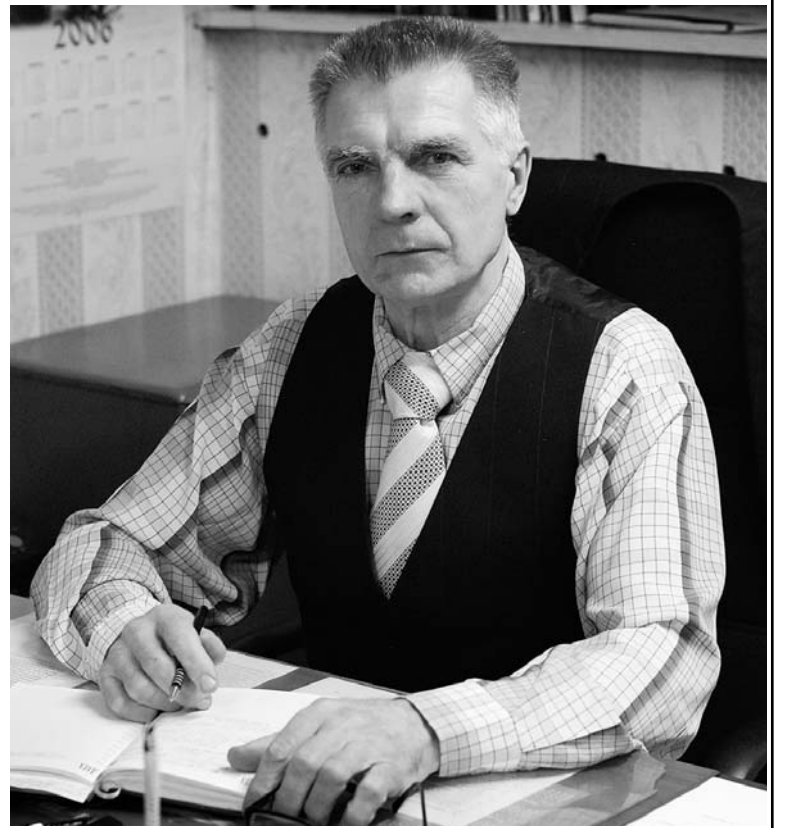
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ — ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ

Незадолго перед своим отъездом в Афганистан подполковник Шиликов пришел в райисполком Советского района. Просил поменять его служебную двухкомнатную квартиру на трехкомнатную — была такая возможность в то время. Тогдашний председатель райисполкома вокруг да около ходить не стал, объяснил все популярно, примерно так: не

говори ерунды, товарищ Шиликов, тебя не сегодня-завтра в Афган отправят, убьют там, а я новому начальнику РОВД опять должен квартиру давать?

Предрик опасался не зря. В Афганистане за каждого убитого «шурави» душманам платили пять тысяч афгани. Если убитый был солдат. Если офицер — 80 тысяч (за подбитый танк давали 100 тысяч). И у Шиликова были все шансы не вернуться из афганской командировки.

Он мог подрваться на mine, попасть под шальную ночную пулю, его могли расстрелять во

время поездки в «гробу» — так в Афгане называли советский внедорожник «Ниву». Их тогда выделяли для подразделений МВД. «Гробами» окрестили за то, что выбраться из «Нивы» при нападении было очень трудно — двери всего две. Подполковник мог погибнуть во время рейда в горы, куда сотрудники МВД ходили вместе с военными. Так погиб земляк Алексея Ивановича — орловец Петр Русаков.

...Батальон, в котором служил Русаков, возвращался после успешно проведенной операции в горах. Оставалось только спуститься в долину, где ждала техника. Переход был сложным, бойцы устали, а тут — ровная площадка, плато. Человек двадцать решили здесь отдохнуть. Остальные ушли дальше — вниз. Как только основная колонна скрылась из вида, на плато обрушился кинжальный автоматный огонь. Душманы сразу положили почти всех. Двое из оставшихся в живых — Петр Русаков и милиционер из подразделения МВД — смогли укрыться за большим камнем — отстреливались. Когда раненый Русаков понял, что душманы вот-вот его возьмут, выдернул кольцо гранаты...

ЭТА НЕНУЖНАЯ, НО НАША ВОЙНА

За десять лет афганской войны, по официальным данным, погибло более 14 тысяч человек. Около 470 тысяч — так называемые санитарные потери: раненые, контуженные, перенесшие инфекционный гепатит, брюшной тиф, малярию... То есть живыми и здоровыми из Афганистана возвратились очень и очень немногие.

Вернувшихся в Союз «шурави» соотечественники переименовали в афганцев. И очень скоро они почувствовали себя, как когда-то там, в Афганистане, чужими. В собесах и райисполкомах им говорили: «Мы вас туда не посылали» или «Надоели вы, афганцы, со своими льготами, все чего-то требуете и требуете». Они не могли вписаться в новую жизнь, где слова «интернациональный долг» вызывали теперь усмешку, а афганскую войну велели считать позорной. Они не питали иллюзий и тоже считали, что эта война была не нужна. Но это была их война. И воевали они не за славу и не за деньги, и не за льготы. За Родину воевали, а Родина открылась от своих сыновей. И это было страшнее, чем война. Многие не выдержали — сломались.

Алексей Иванович Шиликов выдержал. И свой долг продолжает выполнять до сих пор. Сейчас он помощник А.В. Щепетина — председателя Орловской региональной общественной организации ветеранов боевых действий. Здесь бывшие воины-интернационалисты оказывают помощь — только уже не братским народам развивающихся стран, а своим соотечественникам, товарищам по оружию, воевавшим в Афганистане и Чечне.

Сюда приходят с самыми разными бедами и проблемами. Надо устроить ребенка в садик — ходят, добиваются. Надо отстоять права инвалида — идут в суд. А бывает, умирает одинокий афганец, хоронить некому и не на что — и это здесь тоже берут на себя. Забот множество.

А в свободные минуты Шиликов еще умудряется писать. Он сочиняет чудесные добрые сказки и трогательные стихи — о любви, о Родине и о войне тоже. В его стихах есть искренность и нежность, есть боль и печаль, есть надежда и вера.

— Пока мы живы, мы должны верить: все, что мы делали, мы делали правильно. Правильно и честно. Как умели, — говорит Алексей Иванович Шиликов — афганец, «шурави».

Татьяна ФИЛЕВА.

